

Август шлепал босыми ногами по асфальту вокзального перрона. Близилась календарная осень, но жаркое лето и не думало уступать холодам. Станция «Голутвин», как всегда, была похожа на растревоженный муравейник. Людские ручейки двигались по эстакадам и линиям перронов, водоворотами закручивались у дверей небольшого вокзала. Голос с характерной диспетчерской интонацией раздавался из динамиков, грохотали мимо товарные составы, шипя, раскрывались и закрывались двери электричек; в общем, царила обычная привокзальная суматоха.

Зуев уже сидел в вагоне электрички и наблюдал из окна за людьми. Судя по седой голове, ему перевалило уже за шестьдесят. Но вот так прямо назвать его стариком было нельзя. Иван Николаевич, скорее всего, выглядел мужчиной красивого старения. Высокие скулы и заметная линия острого подбородка только молодили его. Он был одет в элегантный замшевый пиджак, претенциозные выцветшие брюки и никак не выглядел мужчиной старческих лет.

Вдруг внезапная картина за окном хлестнула его по глазам, наполнила короткой и острой болью. На перроне стояла Ирина — живая и красивая, и ветер трепетал в ее вьющихся светлых волосах и складках легкого платья. Но вот девушка обернулась, солнечный блик скользнул по ее лицу — и это уже была не Ирина. Она и не могла ею быть, потому что его Ирина умерла много лет назад.

Зуев вытер неожиданную испарину на лице и глубоко вздохнул, стараясь успокоить тревожно пульсирующее сердце. «С чего это? — пронеслось в голове.— Как можно так обознаться?! Столько времени прошло... И где твоя юность?»

Поезд тронулся.

Электричка отправлялась в Москву.

В Коломне пятигорский экспресс не останавливался, так что Зуеву еще раз предстояло проехать знакомым путем.

Когда электричка подошла к Казанскому вокзалу, его пятигорский поезд уже стоял на своем пути. В купе он был пока единственным. В окно вагона уже заглядывал вечер. Солнце устало провожало уезжающих. Платформа, легко вздохнув, отдыхала от летней жары. И уже чувствовалось, что не за горами то время, когда небо затянется серой шалью и на землю ляжет долгая-долгая зима.

Купе заполнилось как-то разом. Соседи поднимали нижние полки, укладывали чемоданы и сумки. Все обошлось без споров и обид. Хотя, на первый взгляд, вещей было столько, что, казалось, их не уложить и в целом вагоне. Все рассовали, убрали, на виду остались только пакеты с продуктами. От них запахло копченостями, душистыми яблоками и сладкими подмосковными грушами.

Начали знакомиться. Место на верхней полке на половине Зуева досталось молодому военному. Выглядел он почти юношей. Если бы не военная форма с лейтенантскими погонами, ему вряд ли можно было бы дать больше двадцати лет.

Напротив расположились две женщины. Одна — молодая, с кудрявыми рыжими волосами, в джинсовых брюках. Другая — деловая и в возрасте. Но выглядела неплохо. Лицо смуглое, без морщин, красивое. За привлекательной внешностью угадывался решительный характер.

Молодого лейтенанта звали Андреем, рыженькую с кудряшками — Зоей, а вторая женщина представилась Анастасией.

Зуев любил такие путешествия, такие встречи, когда в считанные часы незнакомые вроде люди становились близкими и даже родными. Поезд летит в даль далекую, сквозь время, сквозь бесконечные русские просторы, а в нем, в этом поезде, складывается свой мир — под присмотром рачительной проводницы, которая должна забрать билеты и выдать постельное белье, да и чаем напоить. Сегодня она что-то запаздывала. Зоя выглянула в коридор, посмотрела в обе стороны и сказала:

— Нет никого.

— Титан, наверно, разогревает,— предположила опытная Анастасия.

— На службу едешь, сынок? — поинтересовался у своего соседа Иван Николаевич.

— Да нет, по личным делам,— уклончиво ответил лейтенант.

— Наверное, за невестой? — попытался угадать Зуев.— А потом куда-нибудь вместе на Камчатку?

— Женат я уже,— улыбнулся военный и показал старику правую руку с обручальным кольцом.— Дома она. Скоро наследника мне родит.

— Ну и правильно,— одобрил Зуев и улыбнулся.— Такое дело — чем раньше, тем лучше.

Он хотел еще что-то сказать, но в купе вошла проводница.

— Вот вам, мои залетные, свежее белье,— заворковала с порога хозяйка вагона, улыбнулась всем широкой улыбкой и ловко бросила два пакета около мужчин, два других — около женщин.— Платить за него не надо: оплата входит в стоимость билета. Теперь посмотрим ваши билетки...

А поезд уже миновал Коломну, вырвался за город и летел серой стрелой мимо старых заводских кварталов. Уже мелькнула стрельчатая готика Голутвина монастыря, сверкнула под мостом широкая Ока, Щурово миновало с его «византийским» храмом, а впереди уже показалось таинственное Чернореченское лесничество, когда-то воспетое самим Куприным...

Иван Николаевич философски произнес:

— Надо же, жили до этого, друг друга не знали,— и вот вместе едем, в одном вагоне. Может, пройдет время, и каждый еще не раз вспомнит этот наш «круиз». Я вот, например, с пацанских лет люблю путешествовать. Мне в вагон что заскочить, что выскочить — без разницы.

— А я часто езжу по этой дороге, но ни разу ни с кем не пришлось встретиться по второму кругу. Это сколько же народа едет! — заметила Зоя.

— Челночница, что ли? — поинтересовалась Анастасия.

— Да какая там челночница?! — возмутилась молодка. — Еду домой, к маме, за ребенком. Он все лето у нее. А теперь вот надо в школу готовить. Как будем жить? — вздохнула Зоя. — Мы ведь со Стасиком вдвоем. Отец от нас ушел в другую семью. Как бизнес завел, денежки появились, — так мы стали ему больше не нужны.

— Что, совсем не помогает? — удивилась Анастасия.

— Да помогает... — тихо отозвалась женщина. — Но это такие крохи...

И повлажнили ее глаза...

Сменялись вечерние пейзажи за окном, постукивали на стыках колеса, а в купе звучала обычная история. Денег еле на еду хватает, а надо еще ребенка в школу собирать, и с работы не уйдешь, а работа — укладчицей, и в тридцать лет уже руки болят, и непонятно, как до пенсии дожить...

Но только зашел разговор о пенсии, Анастасия не выдержала и разразилась по адресу как правительства в целом, так и отдельно взятых министров такими сложными и непечатными выражениями, что даже Зуев с молодым человеком смутились.

— Ты-то молодая, — говорила она, сцепив подрагивающие пальцы. — А мне вот, к примеру, что делать? Не в пенсии дело — на нее, знамо дело, не проживешь: все равно придется горбатиться, пока можешь. Но все же была хоть какая-то подкачка от государства, так и ее эти... отобрали!

— А я вот что хотел сказать, — вмешался в разговор Зуев. — Конечно, какую ни возьми историю — везде виноват мужчина. Но это не совсем так. Тут вопрос в психологии. Здесь дело больше не в том, что все мужчины подлецы, просто мы не любим жить спокойно и тихо.

Анастасия не выдержала и, как вихрь, налетела на него:

— Ну ладно: женщину ты разлюбил, а ребенок в чем виноват? Да если бы и мы так поступали, человечество давно бы вымерло. Слабаки вы по жизни, вот что я скажу!

Но тут из коридора послышался голос проводницы. Она разносила чай.

— А не пора ли и нам стол собрать? — встрепенулся Иван Николаевич, уже пожалев, что вступил в разговор. — А ну, пойдем, командир, на рекогносцировку, — и они вдвоем с Андреем вышли в коридор.

Стол накрыли такой, что хоть свадьбу справляй! Копченая курочка, с десяток яиц, помидоры, огурцы, аккуратно нарезанный карбонад, дюжина домашних пирожков... Многое даже не поместилось на крохотном пространстве стола. Андрей включил местное радио. И по купе полилась знакомая музыка. Зоя вспомнила:

— Так это, кажись, из фильма «Русское поле». Там еще Мордюкова играла!

— Золотой фильм! — согласился Зуев. — Какое время было! — вздохнул он. — Ведь почему тогда легче жилось? Да потому, что родину любили! А сейчас кругом одно предательство и нищета...

А за окном, словно в подтверждение его слов, расстилались некошенные поля, навеявшая непонятную грусть.

Под музыку еда пошла бойчее. Скоро от курочки остались только косточки. Одним стаканом чая тоже не ограничились: бегали за кипятком по нескольку раз.

А из динамика все звучали и звучали новые мелодии. Все оживились, когда запела Пугачева:

*За окном сентябрь
Провода качает,
За окном с утра
Серый дождь стеной.*

Анастасия немного поуспокоилась, и за горячим чаем как-то сам собой сложился ее рассказ о другом сентябре, почти таком же, как нынешний, только много лет назад.

Она только-только вышла замуж. Было, вроде, все хорошо. Быстро забеременела. А тут вдруг у мужа появилась сумасбродная идея: переехать жить к его родителям на Украину, в Донецкую область.

— Богдан, да как же так? — расплакалась жена. — У нас все тут устроено: квартира, работа, да и мне скоро рожать. — Она сложила руки под животом. — Какой тут переезд? И как я там одна буду? Языка вашего даже не знаю.

— Почему одна? — продолжал он ее уговаривать. — Мы вдвоем. Да и поедем не в чужие края, а к моим родителям. И какой «язык» ты еще придумала? Донецк — это же русский край. Да и украинским не стоит смущаться. Пару недель поживешь — и лучше меня на мове разговлять будешь!

Богдан нервно ходил по комнате. Ему явно не нравилось, что жена не соглашалась с ним. Но от своего намерения не отступал. «Уговорю! — думал он. — Куда она, беременная, денется?»

Но Анастасия продолжала настаивать на своем. Ей казалось сейчас, что она не только за себя сражается, но и за того маленького человечка, который уже зародился внутри и который обязательно потом у нее спросит: «Мама, а зачем ты так поступила?»

— Я понимаю, — соглашалась она с ним: — Украина твоя родина, но и я тоже не без родины живу! — выкрикнула она. — Ведь это большой грех — оставлять свою землю. Здесь у меня все! И могила моей мамы, между прочим. Мне ее тоже бросить? Без меня же все здесь зарастет травой!

Слово за слово — и поругались они: глупо, нелепо, на пустом месте.

И он ушел. Беспорядочно покидал в чемодан свои вещи и, хлопнув дверь, вышел из дома. Только в прихожей остановился и крикнул напоследок:

— Дура!

Рожала Анастасия действительно одна. Сына назвала Сергеем. Богдан больше не появился. Ни через год, ни через пять лет — никогда. Поступил работать на отцовскую шахту, начал новую жизнь, женился на другой, дочка появилась.

— Тяжело это простить, — поглядывая в окно, тихо сказал Зуев.

— Да некого прощать, Иван Николаевич... — с каким-то надрывом отозвалась Анастасия. — В четырнадцатом году отдыхали они на пляже, а тут украинский самолет... Ну и покрыло всю семью — всех троих разом. Не послушался он тогда меня... а я ведь чувствовала: ничего хорошего из этого переезда не получится. И как в воду глядела...

Тишина повисла в купе, только слышно было, как позвякивают стаканы в подстаканниках.

— Ну а вы, Иван Николаевич? Далеко ли едете? Небось, к внукам в гости? — спросила Анастасия, смахивая молчание, словно паутину.

— К дочери, — с какой-то важностью уточнил Зуев. — Никогда ее не видел. Даже не знал, что она у меня есть.

— Вот тебе и новость, — удивилась Зоя. — Как это — «ни разу не видел»?

— Да вот так, — грустно усмехнулся мужчина. — Позвонили с телевидения, ска-

зали, что меня разыскивает дочь. Как меня нашли — ума не приложу! Проверили — все подтвердилось. Вот и еду сейчас к ней. Вроде вины моей нет, а все равно как-то не по себе.

— Как это «вины моей нет»? — возмутилась Анастасия, больше всех нахлебавшаяся горя на своем бабьем веку. — Бросил семью, а теперь...

— Да погодите вы мерить всех своим аршином! — возмутился Зуев. — Не женат я был! Служил в тех местах. Дружили с ней... Она в общежитии жила. Тоже, как и я, детдомовская. Думали, отслужу — вместе жить будем. А получилось по-другому... Когда до дембеля оставалось несколько месяцев, приехали к нам в часть «покупатели» из Сибири, с «ящика». Искали квалифицированные кадры для работы на режимном предприятии. Жилье обещали... Я и согласился. Ирине, конечно, все рассказал. Ну, мы и решили: как только квартиру получу, так сразу же вернусь за ней. Ни про какого ребенка она мне не говорила. Ну, а там, в Сибири, все завертелось, закружилось... Сибирские девчата бедовые. И опомниться не успел, как женился. Виноват, конечно: Иринке даже открытки ни разу не написал. Думал: ну что, жена она мне, что ли? Но долго в Сибири я, конечно, не задержался. Я ведь парень головастый был: заметили, послали учиться в московский вуз. А когда закончил — направили меня работать в Подмоскowie. Тамара, моя жена, к тому времени родила мне трех пацанов. Дом построили. Сад вырастили, парней на ноги поставили. И тут такой звонок из прошлого... Собрали мы семейный совет, обговорили все и порешили: надо ехать...

— И сколько лет вашей дочери? — поинтересовалась Зоя.

— Да как тебе, наверное... — смерив взглядом женщину, ответил Зуев.

— А Ирина одна живет?

— Нет у меня больше Ирины... Умерла она, — мрачно ответил собеседник.

— Ну, хорошо, что так все закончилось, — вздохнула Зоя. — А то умер бы и не узнал про родную дочь.

— Да какая она ему родная! — резко возразила Анастасия. — Из роддома не забирал, на руках не носил, в школу не водил... Да что там говорить: даже не помогал. Эх, вы, мужики!

Анастасия была прямолинейна.

Лишь один Андрей заступился за старика:

— Ну, ладно вам, чего вы накинулись на человека! Он вам душу раскрыл, а вы его в самое больное место...

Долго ехали молча. Зуев был сосредоточен и отрешен. А за окном неожиданно пошел дождь, в небе заворочались грозы. Людское молчание и звуки грома словно соперничали друг с другом.

Иван Николаевич сидел, пряча глаза. Откровенный разговор словно перевернул все у него в душе. Он заново передумывал жизнь... Какая-то невидимая граница оказалась пройденной. Это раньше всегда радовался тому, что Бог столько времени даровал ему для жизни. А сейчас вдруг впервые подумал: а жив ли он вообще? Может, его сердце перестало биться еще тогда, когда он обманул свою Иришку? И любил ли он вообще свою жену? Может, все в его жизни было пустотой? Куда-то бежал, чего-то накапливал, а самого главного не достиг... Без любви — это разве жизнь? Ему ли сегодня светит солнце, идет зимой снег, расцветает весной душистыми шапками сирень?..

Сердце стучало тяжело. Жаль было Ирину, жаль было и жену Тамару, которая ни в чем не виновата. Как он посмотрит в глаза дочери, что скажет ей в свое оправдание? И вообще, нужно ли было ему ехать?

Он стиснул зубы, накинул на плечи пиджак и вышел в коридор. Здесь шла своя жизнь. По коридору вагона бегали дети, и Зуев, стоя у холодного окна, иногда оглядывался на их радостную суету. Один мальчик остановился около Ивана Николаевича и спросил:

— Дедушка, а ты что такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

— Да нет, внучок... Никто не обидел. Это дождь за окном виноват. Потому и на душе так.

Вдруг дверь соседнего купе открылась и оттуда выглянула красивая женщина.

— Васек, ты чего к людям пристаешь? — И, обратившись к Зуеву, спросила: — Он вас замучил, наверно, своими вопросами?

— Напротив, — ответил Иван Николаевич. — Он пытается исцелить меня от меланхолии.

— Не печальтесь. Все у вас будет хорошо! Пошли, сынок.

Юный незнакомец широко улыбнулся Зуеву и отправился вслед за матерью.

От улыбки ребенка на душе полегчало. Иван Николаевич вернулся в купе и услышал веселый голос Андрея.

— Чаю хочется. Вам принести кипяточка?

— Не откажусь.

Парень вернулся с чаем. Анастасия не удержалась и полюбопытствовала у него:

— Ну, а ты к кому едешь, Андрей? Если это только не военная тайна.

— Да какая там тайна? На родину к деду еду, — признался лейтенант. — Вот везу книгу Лермонтова в его родную библиотеку.

— И всего делов? — удивился Зуев.

— Это на первый взгляд кажется, что это маленькое дело, а на самом деле оно огромное, как человеческая жизнь, — интригуяще ответил ему Андрей.

Все повернулись к парню одновременно с интересом и недоумением.

Лейтенант задумался и начал свой рассказ негромко, словно вглядываясь в глубины памяти.

— Мой дед был на войне с самых ее первых дней. Многое он мне про нее рассказал, особенно в связи с книжкой, которая прошла с ним всю войну. Слушая его воспоминания, я уже тогда думал: вырасту и обязательно стану военным!

Деда призвали в армию перед самой войной. Когда собирали вещмешок, кто-то из домочадцев положил... томик Лермонтова. Было бы это в войну, никто бы этого не сделал. Какие там книги! А тут мирное время...

Занесло его из родного Пятигорска на Дальний Восток. Там и застал начало Великой Отечественной... А попал он в знаменитую 32-ю дивизию Полосухина. И непростая это была часть — отлично укомплектованная, обстрелянная. Она очень хорошо показала себя под Халхин-Голом. С тех пор Сталин и держал ее на Востоке: на случай нового вторжения японцев.

Но когда стало ясно, что Япония на Союз не двинется, Ставка решила перебросить дивизию на Западный фронт.

Когда война грянула, деду было столько же лет, сколько мне сейчас. Я вот все думаю — что он чувствовал тогда, в солдатской теплушке, в поезде, который мчался по бескрайней стране...

Отправили их под Ленинград. Рослые сибиряки в полушубках должны были деблокировать осажденный Питер. И вооружены они были не в пример остальным частям. Достаточно сказать, что у них на вооружении было восемьсот с лишним автоматов, а тогда это оружие было редкостью в наших частях.

Но в октябре сорок первого под Москвой стало совсем плохо... Немцы совершили страшный прорыв, остатки советских войск дрались в так называемых «вяземских котлах», а дорога на столицу оказалась почти без прикрытия.

И дивизию полковника Полосухина, пятнадцать тысяч сибиряков, перебросили под Можайск, в самое пекло. Там еще народ был: и курсанты, и добровольцы. Но

беда оказалась в том, что силы пришлось «размазывать» по всему фронту в 50 километрах, а это даже для полнокровной полосухинской дивизии много. Но делать нечего: вгрызлись в землю и приготовились к жестокой драке. И символично, что фронт прошел по Бородинскому полю, тому, на котором Кутузов встречал Наполеона по дороге на Можайск. Удивительно все совпало: и место оборонительных сооружений, и даже штаб Полосухина расположился как раз в том месте, где когда-то командовал сам Кутузов.

Даже французы были в составе немецких войск — пара батальонов в летнем обмундировании...

Говорят, что наше командование раздало по воинским частям русские знамена 1812 года, которые не успели вывезти из Бородинского музея. Многое сошло вновь на Бородинском поле, и с обеих сторон понимали, что обратного пути нет.

Так началась страшная мясорубка. Ряд за рядом покрывали русскую землю солдаты французского легиона. Русские и французы стояли насмерть. Немцы перли со всей дури, не только потому, что бесноватые командиры гнали их вперед, но и от того, что чувствовали: еще один удачный прорыв — и Москва покорится. А наши ребята вцепились в родную землю и не отступали ни на шаг. И если совсем недавно артиллеристы батареи Раевского, дивизии Лихачева, Неверовского, Коновницына казались далекими тенями, то в эти шесть дней они как будто вернулись в Бородино...

Все поле было завалено трупами убитых и замерзших, и с нашей стороны картина рисовалась не лучше. Дед мой, глядя на трупы, разорванные в кровавые ошметки, есть даже не мог. А прошло уже несколько дней, и он еле держался на ногах. Спас его пожилой старшина, сибирский охотник, который взял своего рода шефство над парнем.

Запомнилось, когда однажды на полевую кухню привезли макароны, смерзшиеся от холода. И старшина заставлял моего деда сделать глоток водки из фронтowych стаграмм, и после каждого глотка совал ему в зубы кусок этих чертовых макарон...

Страшное дело — война. Звучит банально, особенно для тех, кто не нюхал пороха. А когда человек напрямую сталкивается с кровавой грязью, он начинает понимать, что значат эти слова. Дед рассказывал, как кричали на поле боя раненые французы и немцы. А потом переставали кричать, потому что вытащить их не было никакой возможности, и они просто замерзли, там, у Бородина.

Общее дело сближает людей; есть такое понятие — фронтовая дружба. Но война ведь такая штука: сегодня у тебя есть друг, а завтра... Старый охотник, который его опекал, в бою был постоянно рядом: палил из противотанкового ружья, а дед из автомата лупил по немецкой пехоте. И вот: раздался взрыв. Искореженный ПТУР отлетел в сторону, а старшине осколком полголовой снесло, так, что кровь и частицы мозга забрызгали деду лицо.

А он... А что он? Утерся варежкой и продолжал стрелять.

Почти неделю грохотал этот ад. Дорогой ценой было заплачено за эти шесть дней. Но жертвы того стоили. Из-за таких боев и Москва устояла.

Так вот, когда немцы дрогнули и отступили с поля боя, части 32-й дивизии отвели с передовой, и полосухинцы, что называется, переводили дух, дед, вытащив из вещмешка, раскрыл книгу Лермонтова, и в тесноте, при свете печурки, читал своим товарищам по звову «Бородино».

«Да, были люди в наше время... Богатыри...»

Бойцы поднимали головы и прислушивались к словам. Раненые просили: «Почитай еще. Ведь это про нас...».

Несколько раз пришлось ему читать эти строки: снова и снова. А потом и другие стихи пошли. И тогда бойцы стали просить: «Слушай, браток, вырви мне одну страничку... Мне от этих стихов на душе теплее станет. Война ведь еще длинная... Не скоро ей конец будет...».

И незаметно том Лермонтова «похудел».

Но дед, вырывая страничку из книги и вручая тому, кто остался жив, приговаривал: «После войны обязательно верни в мою библиотеку. И не вздумай помереть!»

И каждый эту страничку клал в карман гимнастерки, где бережно хранил фотографии матери, жены, детей...

А деду осталась потрепанная книга в потертой синей обложке, вот эта, которую сейчас держу в руке. И вроде как талисманом она ему стала. Был покалечен, но остался жив. Ранение было тяжелым: пол-лопатки разорвало осколком от мины. Вначале один госпиталь, затем другой, комиссовали по ранению... Но книгу удалось сохранить. Берег ее всю жизнь. Только отвезти в библиотеку, как планировал, как-то не получалось. В Пятигорск не вернулся: уехал на родину голубоглазой медсестрички, которая его полуживого вынесла с поля боя. А на родину съездить здоровья, да и времени не хватило...

И только перед самой смертью дед поручил это мне. Мы созвонились с той библиотекой. И оказалось, что из этой книги к ним поступило семь страничек! Семь полсухинцев выжили; в память о них эти страницы в музей передали. Не хватало только самой обложки с печатью библиотеки. И вот я теперь везу эту книжку...

— Выходит, ты как будто из того батальона будешь? — задумчиво сказал Зуев, когда лейтенант закончил свой рассказ.— Вроде, как их наследник?

— Выходит, так,— согласился Андрей.— Честно сказать, мне тот Бородинский бой временами снится — будто я сам в том дедовском окопе сижу...

Ночь летела за окнами.

Все притихли, и никому не хотелось продолжать разговор. Да вроде все уже и сказано.

Жаркое летнее солнце насквозь пронизывало вокзал Пятигорска, перед его стеклянными стенами высились стройные ели, на площади ждали пассажиров автобусы и маршрутки. Анастасия и Зоя прощались со своими попутчиками с улыбкой, в которой чувствовалась горчинка грусти — о том, что они уже никогда не встретятся с теми, с кем свела их нежданная судьба.

Прощаясь, Зуев вдруг почувствовал нежданную нежность к парню и по-отечески обнял его. Тот улыбнулся, козырнул спутникам и отправился своей дорогой. Распрощались и остальные трое... Зуев остался один, оглядываясь по сторонам.

И тут внезапная картина обожгла его вторично: у начала платформы стояла его Ирина. Да нет, конечно! Ирина дочь, Татьяна, стояла и вглядывалась в него, и ветерок играл складками ее платья и прядями светлых волос. А рядом с ней кружился белобрысый мальчуган, точь-в-точь похожий на него, Зуева, каким он был много лет назад. Что-то защипало в глазах у Ивана Николаевича...

Тут Татьяна наклонилась к мальчишке и с улыбкой показала на Зуева. И внук, что-то крикнув, стремглав побежал к деду. И теплая волна воздуха толкнула Ивана в самое сердце.

